

Традиции европейского романа и экспрессионистская проза Ладислава Клим

Ладислав Клима (1878–1928) — чешский прозаик и философ, который находился в стороне от всех направлений и контекстов своего времени, оставался малоизвестным до конца своей жизни. Это автор совершенно необычный для чешской, да и мировой литературы. При жизни Климу практически не издавали. Он был, вероятно, самым непризнанным чешским автором XX в. В истории чешской литературы было много писателей, чьи произведения по различным причинам запрещено было публиковать, но Климе в этом не было равных. Он стал известен лишь в 1960-е гг. после издания большого сборника его произведений, а активное освоение его творчества началось только в 1990-е гг. Французская издательница Эрика Абрамс подготовила к публикации полное двуязычное собрание сочинений Клим с обширными комментариями (*Klíma L. Sebrané spisy. Praha, 1996, 2005, 2006*). Но до сих пор полностью не разобран и не изучен архив писателя. На русском языке, во многом благодаря усилиям богемиста А. Бобракова-Тимошкина, переводчика его автобиографии, подготовившего к изданию произведения Клим, вышло уже три книги чешского автора: «Страдания князя Штерненгоха» (2007), «Путешествие слепого змея за правдой» (2009, единственный роман, написанный по-немецки, остальное — по-чешски) и «Что будет после смерти» (2011). (Все в издательстве «Kolonna Publications» совместно с литературно-художественным журналом «Митин журнал», который был основан в 1985 г. и известен установкой главного редактора Дмитрия Волчека «публиковать тексты, которые не решится печатать кто-либо другой»). Это при том, что в самой Чехии до сих пор не найдены и не изданы все произведения Клим.

Во второй половине XX в. у Климы черпают вдохновение Б. Грабал, Я. Коларж, Я. Забрана, Л. Вацулик, так называемый «чешский андерграунд»¹. В последние годы возник особый интерес к этому автору, о чем свидетельствует, например, количество дипломных работ о Климе, защищенных в Чехии только в последние годы. Некогда презираемый, шокирующий — этот автор теперь признан незаурядным философом, он стал сегодня модным писателем, и ему пророчат в будущем еще бóльшую славу и волну эпигонов.

«Первооткрывателем» Климы был Эмануэль Халупный (1879–1958)². В рецензии на книгу Климы «Мир как сознание и ничто» (единственное произведение, опубликованное при жизни автора в 1904 г.) критик отметил бесспорное влияние на Климку А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, охарактеризовав книгу соотечественника как воплощение «абсолютного субъективизма» и отметив, что автор считает мир фикцией, отрицая само его существование, проповедуя теоретический и практический нигилизм. Разбирая его понимание человека, морали, сравнивая с современниками, чешскими мыслителями Ф. Крейчи, Т.Г. Масариком, К. Крамаржем, которые допускают компромиссные решения, Халупный отметил, что Клима в своем последовательном радикализме не имеет себе равных в Чехии³. Ницше освободил человека от власти Бога, заявив о недееспособности христианской системы ценностей, к чему чешские интеллектуалы уже морально подготовились, но они явно не ожидали, что подобный радикализм мог возникнуть в чешских условиях. «Удивительное дело — пишет чешский писатель и журналист В. Шлайхрт, — посреди цивилизованной Европы в самом начале

---

¹ *Machovec M.* Ohlasy literárního a filozofického díla Ladislava Klímy v životě a tvorbě českých undergroundových autorů // *Věčnost není děravá kapsa, aby se z ní něco ztratilo.* Soubor studií věnovaných L. Klímovi. Olomouc, 2010. S. 8–13.

² *Chalupný E.* Studie o Otokaru Březinovi a jiných zjevech českého umění a filosofie. Praha, 1912.

³ *Ibid.* S. 112.

двадцатого века появился человек, который решил стать Богом, и, судя по всему, ему это удалось»⁴. По мнению немецкого исследователя творчества Климы Урса Хефтрига, чешский автор был не слишком послушным эпигоном Ницше. Он углублял его философию, и общим у них было то, что свои философские идеи оба применяли на практике, обильно начиняя ими художественные произведения, и делая философию более доступной. По этой причине проза Климы изобилует философскими рассуждениями⁵. Климю вдохновлял, помимо А. Шопенгауэра с его идеей о том, что «есть мир, как он есть на самом деле, и есть мир, как он нам видится», и солипсизм Д. Беркли, признававший единственной реальностью только свое «я», вне которого нет ничего.

Вся жизнь Климы была сплошным конфликтом с человечеством. «Мне были противны все просто до омерзения, и не потому, что были мерзки, — а потому, что стояли слишком близко ко мне. Мне были омерзительны родители, и я их почти ненавидел, хотя пожаловаться на них не мог [...] Я ненавидел в детстве всех людей, любая ласка вызывала у меня рвотный рефлекс»⁶, писал он в собственной автобиографии. Просто из самодурства он утверждал, что готов был бы уничтожить все и вся. Клима отвергал какие-либо социальные условности, собственным поведением и на собственном теле определяя пределы человеческой жизни. Он умер, не дожив до 50, от алкоголизма (по официальной версии от туберкулеза), провозгласив в свое время, что его «спас алкоголь, ром, неразбавленный спирт», которым он «остался верен до конца своих дней». И это

---

⁴ Štajchrt V. Filosofie: Bůh jménem Ladislav Klíma. 19.08.2005. [Электронный ресурс] // Neviditelný pes. URL: http://archiv.neviditelnypes.zpravy.cz/clanky/2005/08/45219_13_0_0.html (дата обращения: 08.07.2018).

⁵ Heftrich U. Nietzsche v Čechách. Praha, 1999. S. 52.

⁶ Klíma L. Vlastní životopis. Polička, 1992. S. 9. Здесь и далее цитаты из произведений Л. Климы даются в переводе автора статьи.

было не следствием тяжелых обстоятельств жизни, а неотъемлемой частью его философии и культуры. Помимо демонстрации ненависти к человечеству, скепсиса и отрицания моральных устоев, Климу характеризовало осознание собственного совершенства. Самообожествление, «эгодеизм» или «эгосолипсизм» — этот термин впервые использовал как раз Клима. Сегодня Климу причисляют к оригинальным философам, хотя всегда высказывались мнения о том, что ничего оригинального в его философии не было, и он лишь перенимал чужие идеи. По мнению такого авторитета, как Франтишек Крейчи, Климе хотелось пофилософствовать, но он лишь занимался сочинительством. И лучше бы он посвящал себя только беллетристике⁷.

Часто в связи с творчеством Климы говорят о чешском сюрреализме, даже о «сюрреализме с человеческим лицом», а также о саркастическом экзистенциализме, экстатическом мышлении. С кем бы ни сравнивали Климу, все равно в итоге приходилось констатировать, что он единственный в своем роде. И его всем противопоставляли, в том числе К. Чапеку: «Если Карел Чапек был неким светлым, безупречным с гражданской точки зрения человеком, соблюдавшим все правила приличия демократического, либерального общества, то поведение Климы представляет совершенно другой, противоположный полюс, низкий, темный, бескультурный»⁸.

Само собой напрашивается сравнение Климы с Кафкой и Гашеком. Почти одновременно они родились (Гашек с Кафкой в один год, 1883, Клима пятью годами позднее), умерли тоже практически в одно время. Не встречались, не общались. Гашек с Кафкой находились на противоположных полюсах, и между ними Клима, писавший как по-чешски, так и по-немецки

---

⁷ *Krejčí F.* Ladislav Klíma. *Česká mysl.* Ročník 24/1928. S. 281.

⁸ *Клима Л.* Главный чешский писатель XX века. Интервью с Т. Гланцем. 13.11.2007. [Электронный ресурс] // Радио Свобода. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/421056.html> (дата обращения: 08.07.2018).

и тесно общавшийся с пражскими немцами. Неприятие Габсбургской монархии объединяло Климу с Гашеком, но никак не отношение к большевистской России. Философское кредо имелось у Кафки и Климмы, но его не было у Гашека. «Кафку читают, чтобы интерпретировать, Гашека — чтобы посмеяться. А Климу — чтобы ужаснуться»⁹. Но что явно объединяло всех троих, это экспрессионизм, возникший и наиболее интенсивно развившийся на немецкой почве. (В немецком литературоведении выделяется понятие «экспрессионистского десятилетия» с 1914 по 1924 гг.)

Этот художественный метод был основан на самовыражении как главной задаче, и на абсолютном индивидуализме. Экспрессионисты отличались обостренностью чувств и переживаний, стремясь выразить иррациональные состояния души, трагизм, тревогу, страх, чувства безысходности, опустошенности и тоски, протестуя против окружающего мира и взывая о помощи. Мало кого из чешских литераторов первых двух десятилетий XX в. можно напрямую отнести к экспрессионизму. Однако были авторы, которые находились под влиянием немецких писателей и издали одно-два произведения в духе именно рассматриваемого направления. Но, в отличие от немцев, им был свойственен больший оптимизм, возможно связанный с образованием в 1918 г. независимой Чехословакии и верой в лучшее будущее. Крушение в ходе Первой мировой войны Австро-Венгрии высвободило духовную энергию входивших в ее состав и освободившихся от ее власти народов, что вызвало к жизни массу новых художественных течений, то существовавших, то вытеснявших друг друга.

Определенные элементы экспрессионизма мы находим в творчестве таких чешских писателей как братья Чапеки, И. Волькер, В. Ванчура и др. Первые исследователи жившего

---

⁹ *Stejskal J. Nepravděpodobná setkání: (Kafka, Hašek, Klíma) // Světová literárněvědná bohemistika. [část] 2. Úvahy a studie o české literatuře. Praha, 1996. S. 627.*

в Праге, но представлявшего немецкоязычную литературу Ф. Кафки относили его исключительно к экспрессионистам, для которых в целом была характерна тема вражды поколений. Но Кафка был далек от этой проблематики. Между героями Кафки и их отцами нет идейных расхождений. Стиль Кафки, практически обходившегося без метафор и тропов, также не совсем соответствовал экспрессионистскому. Кафку роднило с экспрессионизмом трагическое мироощущение, страдания от бездуховности дегуманизованного мира, неверие в счастье и гармонию. Однако ему, как и многим чешским писателям, в той или иной мере связанным с экспрессионизмом, было свойственно чувство сострадания к человеку и ответственности за него.

Совсем другими проявлениями экспрессионизма отличалось творчество Г. Майринка, чей роман «Голем» (1915) является одним из самых значительнейших памятников этого направления, хотя зачастую жанр Майринка относят к «черному романтизму». Действие самых известных его романов происходит в Праге, полной мистических ужасов, средневекового духа, каббалистических знаков. Майринк в молодости пережил глубокий духовный кризис и хотел наложить на себя руки, но, заинтересовавшись брошюрой «Жизнь после смерти», решил отложить самоубийство и погрузился в изучение теософии, каббалы, мистических учений. И здесь возникает параллель с творчеством Л. Климмы, который не мог не знать «Голема», а уж с мыслью о самоубийстве он играл постоянно.

Экспрессионизм недолго оставался ведущим направлением. В 1921 г. немецко-французский поэт Иван Голль (1891–1950) констатировал, что направление это умирает. Экспрессионистские идеи были поддержаны и развивались дальше другими художниками, но уже не всегда воспринимались как новые и актуальные. На чешской почве он растворился среди новых направлений авангардистской литературы и на арену вышел поэтизм.

Среди чешских экспрессионистов самым очевидным оказался Клима. Выдающийся писатель, критик, общественный деятель Индржих Халупецкий (1910–1990) посвятил серию статей чешским экспрессионистам — Рихарду Вайнеру, Якубу Демлу, и, разумеется, Ладиславу Климе, а также и др. (изданы впервые в сборнике Халупецкого «Экспрессионисты», 1992)¹⁰. Многие критики отмечали влияние на Климу Я. Демла и О. Бржезины. Бржезине, самому известному поэту чешского символизма, Клима направил свой первый опус и нашел в его лице поддержку. Бржезина заметил, что Клима разительно отличается от всех философов, у него потрясающий стиль, из одного его предложения другой бы сделал целую книгу. Бржезина создавал стихи, вдохновленные мистикой и особой христианской философией, писал о гармонии природы, о вселенской любви, которая является ключом к познанию законов мира. Он воспевал волю как самую главную привилегию человека, осознавая при этом, что человек ничто без высшей воли. Через несколько дней после смерти Климмы он скажет: «Клима создал систему самообожествления, поисков Бога в себе, Бога [...] который все, что он видит вокруг [...] А теперь всей своей жизнью доказал, что этот его всемогущий Бог слаб по отношению к природе. Его философия не выдержала столкновения с действительностью»¹¹.

Сам Клима, однако, не был столь серьезен по отношению к себе самому и к своему сочинительству. Он не признавал никаких авторитетов, весьма нелюбезно высказывался о разных писателях, как чешских, так и зарубежных классиках, не щадя ни Сватоплука Чеха, ни И. Тургенева, ни, к примеру, Бальзака. Хороший писатель — это даритель, считал Клима. Он

---

¹⁰ *Chalupecký J.* Expressionisté. Richard Weiner, Jakub Deml, Ladislav Klíma, Podivný Hašek. Praha, 1992.

¹¹ *Duchovní přátelství. Vzájemná korespondence Ladislava Klímy s Emanuelem Chalupným a Otokarem Březinou.* Praha, 1940.

должен привнести что-то новое, иначе его творчество не имеет смысла. «Большая часть великих художников была лишь плагиаторами действительности»¹². В его личности сочеталось несочетаемое: считая себя богом, он не ценил свои сочинения (в 1912 г. сжег 60 своих рукописей), постоянно думал о самоубийстве. Клима утверждал, что нет разницы между жизнью и смертью, между сном и реальностью, между убийством и рождением, что жизнь это лишь игра, в которой человеку терять нечего. Эти мысли находят выражение практически во всех его произведениях.

Из его работ в относительно законченном виде до читателей и критиков дошли только две: новелла «Божественная Немезида» (вышла посмертно в 1932 г.) и роман «Страдания князя Штерненгоха» (1928).

Второе сочинение, называемое автором «гротесковое романетто», отсылает к Я. Арбесу, который ввел в чешскую литературу этот новый жанр в 1860-е гг., стремясь заинтересовать читателей, почти перестававших читать чешскую прозу. Задуманный им жанр был длиннее, чем новелла, однако короче, чем роман — то есть именно «романетто», жанр похожий на «рассказы с тайной», но у Арбеса приобретший свои оригинально чешские черты. Другим важным источником для Климы был готический роман — роман «ужасов и тайн», появившийся в западно-европейской и американской литературе еще во второй половине XVIII в. Отличительными чертами этого романа явились тематика и философия «мирового зла», изображение сверхъестественного, загадочного, мрачного. Сюжеты готических романов Г. Уолпола, А. Рэдклиф, М.Г. Льюиса, Ж. Казота. сводились к таинственным преступлениям, их герои были отмечены печатью рока и демонизма. Эстетика готического романа

---

¹² *Klíma L.* Sebrané spisy. Sv. 1. Mea, Torst. Praha, 2005. S. 36. Здесь и далее, где это не оговорено особо, цитаты из произведений Л. Климы даются в переводе автора статьи.

привлекала и авторов произведений, созданных уже в конце XIX — начале XX в. К нему апеллировали и Э.А. По, и Г. Майринк, в XX в. от готического жанра пошла и «литература ужасов», хоррор, — новое название для кинофильмов и книг, для которых характерно нагнетание ужаса, призванного напугать, вселить чувство страха и тревоги, создать напряженную атмосферу кошмара и мучительного ожидания чего-то жуткого. С.Э. По Климю роднила жизненная программа, мистицизм, наконец, смерть от алкоголизма. Но только не отношение к себе и своему творчеству.

Итак, романetto Климы — это дневник князя, члена немецкой императорской семьи, владельца 500 млн. марок, любимца императора Вильгельма II (действие происходит в 1912 г. в Германии), который по собственному описанию выглядит так: «Несмотря на мое происхождение и богатство, я могу смело сказать, что я настоящий красавец, вопреки некоторым недостаткам. В том числе вопреки факту, что мой рост лишь 150 сантиметров и вес 45 килограммов, что у меня почти нет зубов, волос и усов, что я сильно косой и сильно хромым, однако даже на Солнце ведь есть свои пятна»¹³. С первых страниц книги понятно, что автор ее полон сарказма, иронии, герои романetto — карикатуры, пародии (пародийно и само имя князя, в переводе с немецкого «высокая звезда», и другие названия). Сарказм Климы особого рода. Его не сравнить с иронией романтиков XIX в. Это черный, парадоксальный юмор, совершенно необычный для прошлого, но весьма актуальный для нашего времени. Чего стоит, например, описание способов лечения от галлюцинаций психопатолога Ханебальда Вехсельбальга, предлагающего «не курить, не пить ничего кроме содовой воды, им изобретенной и заряженной» (чем не Аллан

---

¹³ *Klíma L. Utrpení knížete Sternenhocha: groteskní romaneto. Praha, 1990. S. 24.*

Чумак?), а в результате герой «отказывается от курения, которое раньше давало хоть какое-то успокоение, не пьет алкоголь, от которого бывало хотя бы пару часов весело, а от воды случился понос»¹⁴. Князь женится на семнадцатилетней Хельге-Демонии, которая, как выясняется позднее, убила собственного отца, убила бы и мать, если бы та не умерла собственной смертью, а вскоре убивает и новорожденного сына. По выражению Вильгельма II князь женился на уродливой, слабоумной женщине, «как Ставрогин из одного дурацкого романа Достоевского, чтоб произвести фурор»¹⁵. Хельга — садистка и извращенка, творящая ужасающие деяния, но князь, несмотря на ее презрение к нему и издевательства, любит ее все больше. Решившись наконец на смелый поступок, возмутившись не убийством сына, а изменой с другим мужчиной, он заточает ее в тюрьму-голодоморню, и после этого начинаются непрекращающиеся страдания, связанные с сомнениями в ее смерти. После ужасных мучений, которые даже «перо Данте не в состоянии описать»¹⁶, попыток избавиться от наваждения, для князя все заканчивается смертью. Не вынеся своих страданий, он запирается в той же самой тюрьме, где была его жена, и вскоре его находят на ее трупе, где, пролежав два дня, он умер от заражения крови. «До последнего момента этот сверхсумасшедший высказывал за минуту больше прекрасных мыслей, чем иной нормальный интеллигент произнесет за всю жизнь»¹⁷. Вообще вопрос о сумасшествии князя остается невыясненным: «Был ли я сумасшедшим или не был, это как посмотреть. Иногда безумство кажется разумом, а в другой раз разум безумством [...]

---

¹⁴ *Klíma L. Utrpení knížete Sternenhocha... S. 99–100.*

¹⁵ *Ibid. S. 30.*

¹⁶ *Ibid. S. 86.*

¹⁷ *Ibid. S. 200.*

В психушку попадает много разумных людей, но почти каждому, кто дефилирует свободно по улицам, место в сумасшедшем доме»¹⁸. Посещения жены, приходящей к Штерненгоху то ли в снах, то ли наяву, и их разговоры — это то самое «взаимопроникновение философии и поэзии», которое всегда привлекало Климу, обсуждение того, как стать «человекобогом». Если человекобог сознает неизбежность смерти и творит на пути к ней страшные злодеяния, это неизбежно, т.к. он бог и может делать все, что хочет. Хельга, утверждающая, что «ненависть черна, а Бог бел», пытается разрешить это противоречие, и наконец ей удается то, что не удалось Христу, — преодолеть ад»¹⁹.

В этом невероятном для своего времени романе соединились гротеск, черный юмор и политическая сатира (как по отношению к Германии, Австро-Венгрии, так и к чешскому национальному самосознанию и «безбожникам-социалистам»). Парадоксальным и необычным в «Страданиях» было все: неизведанные глубины человеческой психики, жизнь после смерти, тайны сновидений. Дневник — один из древнейших жанров в литературе, и здесь Клима, конечно, не был первооткрывателем. Но его дневник совершенно особого рода. Задолго до «Дневника одного гения» (1952–1963) Сальвадора Дали — последовательного представителя радикального ницшеанства XX в. — Клима с редкостной дерзостью, бесстыдством, кощунством говорит о жизни и смерти, в духе фрейдизма утверждает относительность понятий «здоровье» и «болезнь» в ментальной сфере. Произведение его было необыкновенным по своей форме и содержанию, языку, смешавшему вульгаризмы и высокий стиль, кошмарное и комическое. Персонаж новеллы «Что будет

---

¹⁸ *Klíma L. Utrpení knížete Sternenhocha... S. 187, 147.*

¹⁹ *Ibid. S. 167.*

после смерти» (впервые опубликованной в 1932 г.) лавочник Матиаш Лебермайер находил, что «комичность и кошмарность — сестры, изнанка и лицевая сторона одной и той же вещи», и эти «сестры» присутствуют во всех произведениях Климы. У него все вывернуто наизнанку и многократно усилено. «О, как сладок Гнус (Мерзость), и как ярка Слепота! Как сладостна Боль, прекрасно Уродство, правдива Ложь. И как солнечна Ночь»²⁰. В 1908 г. Клима писал о «Страданиях»: «В последние два года для собственного удовольствия и очищения я изрыгал из себя целое море belles-lettres, в десять раз реалистичнее и отвратительнее, чем Золя, в десять раз фантастичнее, чем Гофман, в десять раз непристойнее, чем Казанова, в десять раз извращеннее, чем Бодлер, в десять раз циничнее, чем Граббе²¹, в десять раз парадоксальнее, чем Уайльд»²².

«Божественная Немезида», как и другие произведения Климы, во многом перекликается со «Страданиями». Вновь некто Сидэр, так же, как и князь Штерненгох, мечется между сном, реальностью и галлюцинациями, надеясь, что происходящее с ним действительно правда. В течение десяти лет он одержим Орэей, которая то ли привидение, то ли реинкарнированный дух умершей, то ли покойница. Имеется еще ее сестра Эррата, дама вроде бы существующая в реальности. Одну Сидэр столкнул в пропасть, другая за это столкнула его туда же. Какие бы трагичные события ни происходили с человеком, это результат его свободного выбора. «Все теперь знал этот второй, умирающий Сидэр, как знает человек, что делал вчера. Но он начинал видеть гораздо больше: все прошлые жизни, свои

---

²⁰ *Klíma L. Utrpení knížete Sternenhocha... S. 199.*

²¹ Кристиан Дитрих Граббе (1801–1836) — немецкий драматург-романтик.

²² *Věčnost není děravá kapsa... S. 21.*

и чужие, и то, что все эти чужие жизни лишь только Его, Его одного»²³. Любовный треугольник и мотив преодоления всех барьеров на пути к абсолютной любви — это один пласт новеллы. Исследование разницы между сном и явью с выводом о том, что сон это то же самое, что явь и смерть, а наградой за преодоление действительности станет «сияние сияний» — другой, философский пласт.

«Божественная Немезида» близка пьесе норвежца Г. Ибсена «Строитель Сольнес» (1892) и в особенности последней его пьесе «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899), названной автором «драматическим эпилогом». Ибсена и Климю сближает общий мотив душевнобольной экзальтированной женщины. Ибсеновский скульптор Арнольд Рубек встречает свою бывшую модель Ирену, с нее он сделал свой шедевр, над которым работал четыре года. Они были близки, но необычайно красивая Ирена покинула Рубека незадолго до окончания работы. Теперь она винит скульптора в том, что тот «вынул из неё душу», называет себя мертвой. Рубек с Иреной (а также его жена со своим знакомым охотником) отправляются вчетвером на горнолыжный курорт. Ирена несколько раз пытается убить Рубека, хотя на самом деле его любит. В конце концов они решают воскреснуть, пробудиться к новой жизни, любви, но вместо возрожденного чувства и дальнейшей совместной жизни оба в результате хотят умереть вместе, уходят от людей в горы, где и гибнут под лавиной. Сюжет Климю совершенно очевидно перекликается с ибсеновским не только в описании психически больных, аморальных героев, балансирующих между жизнью и смертью и погибающих вместе в горах. Герои обоими авторами осуждению не подвергаются. Писатели близки друг другу

---

²³ *Klima L. Slavná Nemesis. Praha, 1998. S. 15.*

своим болезненно-извращенным, почти мистическим мироощущением. Ибсена Клима не называет в числе тех, за кем он следовал или кого стремится превзойти, неизвестно, знал ли он пьесы Ибсена, но очевидно, что оба автора творили в русле одной традиции, заложенной ниспровергателями философии позитивизма, творчеством Лотреамона и проклятых поэтов.

Еще одно произведение Климы — «Подлинное происшествие, случившееся в Постморталии» (впервые вышло в 1932 г.) — представляет типичный для него сюжет ужасающей взаимной ненависти двух любовников Генора и Гены, которая ведет к уничтожению одного из них. Это «Страдания князя Штерненгоха» в миниатюре. Здесь перед героем стоит задача различить не сон с явью, а земную жизнь с посмертной вечностью.

«Путешествие слепого змея за правдой» (написано по-немецки в соавторстве с Францем Бёлером, видимо, в 1918 г., по-чешски впервые опубликовано в 2002 г.), сказочный философский диалог, описывает поиски змеем символа веры. В этих поисках ему помогает муравьиный король Вшислав, который преследует свои интересы, чтобы получить власть над миром. Свои символы змей надеется увидеть внутренним зрением, поскольку он слеп. «Я знаю лишь одно: живу я для того, чтобы разыскать оловянный медяк уснувшего Индейца Разаписа. Я долго искал его, а мне сказали, что найду его, когда буду обладать бивагинальным слизистым мешком [...] А для этого мне нужен синий пес, надо увидеть его утробу и раскрыть секрет. Но если даже я его увижу, как знать, что он синий, ведь я слеп! Мне пообещали, что свет вернётся в мои глаза, когда я обрету искомое, но как — ведь я не вижу? О,

проклятый замкнутый круг! О я, трижды несчастный! Порой я сомневаюсь даже в собственном здравом рассудке!»²⁴. Пришел ли час искупления и нашел ли змей все необходимое для того, чтоб прозреть, мы не узнаем. Зато узнаваемы философские рассуждения Климы. Устами змея вещает автор: если б змей не был слепым, он стал бы Богом. И он верит, что им станет. «Надо ли мне связывать себя муравьиными поучениями, если я сам ни что иное, как абсолютная воля? Должен ли Бог подчиняться муравьям? Ах, вы убогое комическое поколение! Сохраните абсолютную свободу по отношению ко всему»²⁵.

Клима — автор драматических произведений, которые даже ставились в Национальном театре. «Человеческая трагикомедия» (1927–28 гг., издана в 1991 г.) вновь представляет героя по имени Odjinud (буквально Нездешний), высмеивающего низменные интересы своих друзей, сам же он мечтает, как это принято у Климы, стать Богом, «деанимализироваться», т.е. из животного превратиться в высшее существо и достичь Абсолюта. Незаконченная драма «Dios» (впервые издана в 1990 г.) вновь обращается к теме «Страданий» с непременным убийством, на этот раз бывшей любовницы (Климу многие обвиняли, ко всему прочему, в женоненавистничестве).

Очевидно, что самобытный, заново открытый совсем недавно, эксцентричный, парадоксальный, ни на кого не похожий Ладислав Клима, передавший экспрессионистски тревожное и болезненное мироощущение, опирался на философию Шопенгауэра, Ницше, Фрейда, на особенности готического

---

²⁴ *Klima L., Böhler F.* Putování slepého hada za pravdou. Praha, 2002. S. 137–139.

²⁵ *Ibid.* S. 42.

романа, совпадая по мироощущению с писателями-мизантропами XIX в., предшественниками или представителями западно-европейского модернизма. В чем-то опередивший свое время, как бы заглянувший далеко вперед, Клима еще ждет своих интерпретаторов и, возможно, обойдет здесь Франца Кафку, который пока занимает первое место среди писателей XX в. по количеству исследований его творчества.